

ЭМОЦИЯ И ОЦЕНКА В СЕМАНТИКЕ СЛОВА

И.А. Стернин, Д.Ю. Просовецкий

В данной статье пойдёт речь о соотношении таких понятий как эмоция и оценка в семантике слова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психолингвистика, семантика, лексикография, эмоция, оценка, индекс ассоциативного сходства

СТЕРНИН Иосиф Абрамович – доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета (ЦКИ ВГУ), заслуженный деятель науки РФ. sterninia@mail.ru

ПРОСОВЕЦКИЙ Дмитрий Юрьевич – магистр филологии, сотрудник Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета. prosovetskiy@gmail.com

Цитирование: Стернин И.А., Просовецкий Д.Ю. Эмоция и оценка в семантике слова [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 75–96. Режим доступа: www.tverlingua.ru

EMOTION AND EVALUATION IN THE SEMANTICS OF THE WORD

Iosif A. Sternin, Dmitriy Yu. Prosovetskiy

This paper is devoted to relationship between emotion and evaluation. Difficulties arising in lexicographic description of emotional and evaluative vocabulary are indicated, a model of connotation is described, and a method for an accurate description of emotions is proposed.

KEY WORDS: psycholinguistics, semantics, lexicography, emotion, evaluation, index of associative similarity

STERNIN Iosif A. – DSc in Philology, professor, Director of the Center for Communication Studies of Voronezh State University (TsKI VSU), Honored Scientist of the Russian Federation. sterninia@mail.ru

PROSOVETSKY Dmitry Yu. – Master of Philology, employee of the Center for Communication Studies of Voronezh State University. prosovetskiy@gmail.com

Citation: Sternin I.A., Prosovetskiy D.Yu. Emotion and evaluation of the word // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2018, № 4. – P. 75–96. Access mode: www.tverlingua.ru

Исследования В.И. Шаховского по проблемам эмотивности широко известны. Они внесли большой вклад в изучение эмоции в целом и эмоции как явления языка, в том числе – эмоции как компонента семантики слова. Однако в лингвистике проблема соотношения эмоции и оценки в семантике слова решается до сих пор весьма противоречиво.

Семная семасиология рассматривает эмоциональный компонент как обязательный компонент семантики однозначного слова, входящий в коннотативный макрокомпонент значения наряду с оценочным. Однако многие ученые не считают необходимым разграничивать оценку и эмоцию как отдельные компоненты значения, объединяя их в единый эмоционально-оценочный компонент значения. С нашей точки зрения, такое разграничение необходимо, поскольку эмоция и оценка близкие, но не тождественные явления.

Лингвистический аспект изучения эмоций заключается в исследовании их языкового опосредования, то есть трансформации эмоциональности как психологического феномена в эмотивность – феномен лингвистический. Такая трансформация может происходить за счёт вербального и невербального (интонационного, жестового, мимического) способов выражения эмоций. Вербальный аспект предполагает изучение выражающих эмоции лексических единиц, их семантики и соотношения с другими лексемами. Эмотивные средства в языке и речи служат прежде всего для выражения психического состояния субъекта, его эмоционального отношения к объекту или адресату речи, отсюда следует наличие у феномена

эмотивности психолингвистического аспекта. Таким образом, эмотивность целесообразно изучать комплексно.

Эмоции объединены в некоторую эмоциональную систему, в рамках которой существуют непосредственно сами эмоции, которые обладают структурой, направленностью и модальностью, и эмоциональные состояния, которые отличаются разной степенью интенсивности и субъективностью. Эмоции проявляют себя комплексно в разных эмоциональных состояниях (Витт, 1984). Кроме эмоций различают чувства, страсти и настроения (Селье, 1979).

С определённой уверенностью можно утверждать, что эмотивный компонент семемы участвует в коммуникации именно как смысловой компонент, а не его фон. Поскольку эмоции включены в структуру сознания (Тихомиров, 1984) и участвуют в когнитивной деятельности, а также принятии решений (Васильев, 1980), в языке закрепляются эмоциональные стереотипы по отношению к определённым понятиям в соответствии с культурно-историческим опытом (Савченко, 1972).

Научная дискуссия о наличии эмотивного значения у слова и что под этим значением понимать продолжается вот уже более века у нас и за рубежом (Киттерман, 1909; Sperber, 1914; Empson, 1951; Арнольд, 1973; Берлизон, 1973; Долинин, 1987). Так, например, лексема *ништяк!* используется не для регистрации феномена объективной реальности, а для выражения эмоции говорящего. Тем не менее, до сих пор отсутствует научная база для классификации эмотивов и, как правило, описание эмотивов ограничивается их перечислением. В качестве основы для отнесения лексем к группе эмотивов в большинстве случаев используется правило: *если лексема может быть использована для выражения типизированной эмоции, значит она эмотив* (Изард, 2008)].

Нужно отметить, что у эмотива есть два аспекта – выражение эмоции (это область деятельности говорящего) и порождение эмоции (это область деятельности воспринимающего). Именно из-за того, что эмотивное значение

не просто субъективно, а субъективно «в квадрате», в литературе не раз предлагалось исключить само понятие эмотива как понятие, зависящее от множества факторов, что делает эмотив феноменом, который весьма затруднительно описать словами. Одной и той же лексемой или группой лексем можно описать различные эмоциональные оттенки и даже диаметрально противоположные эмоции.

Тем не менее с таким же успехом можно утверждать, что в языке всё эмоционально (Шаховский, 1980; Шаховский, 1985; Шаховский, 1986; Шаховский, 1987), поскольку эмоции являются частью когнитивной базы человека. Это факт, что в обыденных эмоциональных ситуациях носители языка выражают и испытывают одинаковые эмоции, обусловленные во многом социальными стереотипами, закреплёнными устойчивыми выражениями языка: *испытать радость, стать счастливым, сильно огорчиться*. Естественно, что каждый носитель изменяет типовую эмоцию, оформляя её вербально в зависимости от своего индивидуального опыта, но делает он это в границах своего социокультурного опыта. Эмотивная семантика слова адекватно дифференцируется большинством носителей языка на основе лексической упаковки соответствующих значений, что подтверждает коммуникативную значимость эмотивов. Они отбираются говорящим осознано в рамках его опыта и социокультурных стереотипов и передают информацию о внутреннем переживании говорящего, вызывают определенную ответную реакцию у воспринимающего. Факт наличия эмотивной семантики лексемы подтверждается также тем, что она осознаётся быстрее, чем логико-предметное содержание (*что-то оскорбительное, что-то ласковое* и т.п.).

Всё вышесказанное указывает на существование эмотивной семантики, то есть наличие эмотивной значимости части лексем. Исследование (Шаховский, 1987) показывает, что эмотивная семантика неоднородна и может являться единственным содержанием лексемы, одним из компонентов, или иметь эмотивный потенциал. Эмотивное значение как тип лексического

значения является самостоятельным содержанием лексемы, а её денотатом будет выражаемая эмоция, которая сформирована и существуют в социокультурной среде (Stern, 1965). Специфика эмотивного значения заключается в том, что его денотат – выражаемая эмоция – не может быть четко и логично определён, поскольку процесс перехода признаков предмета в понятия, а из него в семантику лексемы зависит от множества экстралингвистических факторов. Эмоции переносятся на представление о предмете, а с него на лексему, на её семантику и обратно. Этот факт установлен давно (Киттерман, 1909), но адекватного решения проблемы нет до сих пор: если лексема приобретает некоторый эмоциональный оттенок, она начинает производить воздействие на представление о предмете, что приводит к сложной обратной связи.

Также особенностью эмотивного значения является тот факт, что у него нет коннотации, которая является «эмоциональным компонентом» для логико-предметного содержания (Шаховский, 1987).

Как это не парадоксально, но практически все лексемы, при определённых условиях, могут стать эмотивными, но с разной интенсивностью. Интенсивность эмотива зависит от коммуникативной ситуации. Реакция адресата на один и тот же эмотив может отличаться в зависимости от контекста. При этом возможен случай, когда контекст интуитивно достраивается реципиентом для соотнесения эмотива с тем или иным эмоциональным отношением, и эмоциональная реакция будет уже реакцией на «достроенную» ситуацию. Понимание эмоции всегда базируется на предшествующем опыте. Лексическое выражение эмоций всегда целенаправленно. Оно может казаться спонтанным в зависимости от времени обдумывания, которое снижается в состоянии стресса, приводя к тому, что оно перестаёт быть заметным (Солодилова, 2015).

Таким образом, несмотря на психолингвистическую реальность эмотивов, за ними крайне затруднительно закрепить чётко определённое эмотивное или даже эмотивно-оценочное значение, поскольку лексема может

выражать разные эмотивные смыслы. Эмотивы не имеют чётких смысловых границ и в некоторых аспектах пересекаются и перекрываются друг с другом. В силу данной особенности дискретное рассмотрение и дифференциация эмотивной лексики крайне затруднена. Этим фактом объясняются сложности лексикографов, которые возникают в связи с необходимостью закрепить за определённой лексемой конкретный эмотивный маркер. Такое закрепление в словарной помете затруднительно, поскольку живая речь намного более обширна по спектру потенциально реализуемых эмотивных смыслов, ассоциируемых со словом, чем это может быть отражено.

Эмоций как психофизиологических состояний человека существует бесчисленное множество. Языковая единица может быть связана с выражением эмоции в нескольких аспектах:

1. Непосредственно выражать эмоцию, но не передавать ее. К таким единицам относятся эмоциональные междометия, предназначенные для выражения эмоций, но не имеющие коммуникативной направленности.

2. Выражать и передавать эмоциональное отношение говорящего к какому-либо предмету или явлению. В такой языковой единице обязательно присутствует некоторая характеристика предмета плюс эмоциональное отношение к нему. Большую часть данных единиц составляют слова, эмоционально характеризующие лиц, а также их действия и поведение. В словах, эмоционально характеризующих признаки или действия человека, преобладают единицы с отрицательно-эмоциональной оценкой, при этом встречаются слова как в прямом, так и в переносном значении (последние преобладают).

Например:

- с положительно-эмоциональной оценкой: *дорогой, милый, любимый, умница;*
- с отрицательно-эмоциональной оценкой: *делец, работничек, лопух, медведь, лапоть, ворона, ротозей, бегемот.*

К этой же группе следует отнести бранные, грубые и вульгарно-

оценочные слова, которые, как правило, несут сильный эмоциональный заряд. В таких словах, как *подлец, негодяй, проходимец, мерзавец, нахал, хам* и под., эмоциональный компонент настолько ярок, что вытесняет на второй план денотативные признаки значения, которые в этих словах обычно немногочисленны. Эмоциональный компонент наиболее четко ощутим в самых «сильных» выражениях, а в таких как *плут, мошенник, вор* эмоциональный компонент практически не ощущается, но неодобрительно-оценочный компонент при этом сохраняется. Эмоциональный компонент содержит слова, обозначающие крайнюю степень положительной или отрицательной оценки. Сюда относятся единицы типа *восхитительный, шедевральный, прекрасный, омерзительный, невыносимый* и др. Положительный или отрицательный эмоциональный оттенок, выражаемый словом, находится в прямой зависимости от одобрительной или неодобрительной оценки, составляющей в этих словах денотативное значение.

3. Языковая единица может вызывать эмоцию, не передавая ее. Необходимо различать эмоциональный оттенок, передаваемый словом, и эмоциональную реакцию субъекта на слова. Эмоциональная реакция на слово может быть самой неожиданной и глубоко индивидуальной. В рассказе В. Шукшина «Раскас» ненависть героя вызывали слова *репетиция, декорация*, которые, естественно, не содержат эмоционального компонента.

4. Языковая единица может сообщать об эмоции, не вызывая ее. К этой категории единиц относятся слова, называющие или характеризующие эмоции человека: *презрительно* взглянул, *ласково* сказал, *шутливо* кивнул, *восторженно* вскочил, *радостно* воскликнул, он *возмущен*, я *восхищен* и т.д. Подобные слова имеют эмоциональное значение, а не эмоциональный компонент значения. Эмоциональное значение выделяется у знаков, которые называют те или иные эмоции или чувства: *любить, ненавидеть, радость, гордость, злора, печаль, веселье, возмущение, раздражен, негодовать* и т.д. (Стернин, 1979).

Во многих случаях можно определить эмоциональный компонент в структуре значения только без «детализации» - положительно-эмоциональный или отрицательно-эмоциональный, но возможна и конкретизация, которая выражается, к примеру, такими единицами метаязыка, используемыми в лексикографии, как бран., ирон., презр., ласк., пренебр., уничижит., шутл., ирон.-шутл. Например: ирон. – *умница, мудрец, храбрец, сокровище, удружить, попросить* (с работы), *дама, деятель*; ирон.-ласк. – *грязнуля, трусишка, дурашка, глупыш, дурнушка*; презр. – *клянчить, старикашка., дягя, канючить, донос, дразги*; шутл. – *благоверный, новоиспеченный, акклиматизироваться, дудки*; ласк. – *дружок, тетушка, молоденький, голубчик, солнышко, подруженька*; пренебр. – *шмотки, дохлый* (слабый), *дребедень*; уничижит. – *ничтожество, бездарь, пропойца*.

Не закреплены в системе языка такие эмоциональные компоненты как (*вызывающий*) *радость, страх, удивление, недоумение, возмущение, восхищение* и мн. др. Хотя все они могут выражены в определенном контексте, в том числе интонационно, установление причины отсутствия таких эмоциональных компонентов семантики требует специального исследования.

Под лингвистическим понятием оценки, как правило, понимается итог оценочной деятельности говорящего, который выражен вербально. Важным фактором оценки является её закреплённость в обыденном языковом сознании. Такое выражение языковыми средствами отношения субъекта к объекту рассматривается как одна из семантических категорий языка.

Текст (в широком смысле), который содержит оценку в любой её форме, предполагает, пусть и не явно, наличие субъекта, объекта и факт оценочной деятельности субъекта. Иными словами – СУБЪЕКТ оценивает ОБЪЕКТ. Как считается, именно данная особенность придаёт СУБЪЕКТИВность оценке, тогда как ОБЪЕКТИВность или объективный компонент базируется на собственных свойствах объектов (явлений, предметов и т.п.). Лингвистами описывается проявление данных механизмов

в речи следующим образом: в процессе описания или рассуждения об объекте, субъект в одном случае опирается только на его непосредственные свойства, а в другом – на своё отношение к этим свойствам. Данное отношение оценочно и содержит в себе индивидуальную картину мира, культурные особенности и т.п. (Вольф, 2002).

Однако авторы подчеркивают, что оценка реально имеет более сложную структуру: *«в оценке субъективный и объективный факторы постоянно взаимодействуют, затрагивая субъект и объект оценки»* (Вольф 2002) Е.И. Френкель также отмечает, что языковая оценка объективна, а субъективен лишь выбор языковых единиц (Френкель, 1982). Хотя некоторыми психологами и делается вывод, что оценка объективна, а сам процесс оценивания осуществляется независимо от освоения окружающего мира и связан лишь с эмоциональным восприятием (Stevenson, 1960; Вилюнас, 1984).

В высказывании оценка рассматривается как один из видов модальности. Таким образом, имеется некоторая оценочная модальность, которую для краткости называют оценкой. Конструкцию оценки можно представить следующим образом: имеется ценностная ориентация говорящего и некоторая обозначаемая реалья или её аспект. Оценка по сути является связью, которая устанавливается между ними на эмоциональном / утилитарном / этическом / ... основании (Телия, 1986). При таком подходе, когда в научную конструкцию включается говорящий, а одним из оснований оценки может стать эмоция, очень сложно исключить субъективность и разграничить эмоцию и оценку.

Поскольку оценка представляет собой один из видов модальности, то она имеет структуру, которая состоит из субъекта, предмета и основания оценки, сама же оценка соединяет эти компоненты. В качестве субъекта обычно выступает лицо(-а), присваивающее ценность соответствующему объекту (какому-то событию/предмету/...). Иногда добавляют к лицу, определяющему оценку, лицо, которое необходимо учитывать при

определении оценки, то есть лицо относительно которого данному объекту приписывается статус «хорошо - плохо» (Мягкова, 1990), либо дополнительно включают в рассмотрение адресата оценки (Stevenson, 1974).

В каком-то смысле подобные теории приводят к выводу, что проведение каких-либо научных исследований оценки крайне затруднительно, поскольку любое подобное исследование превращается в задачу со многими неизвестными. При таком подходе в каждом оценочном акте необходимо определить: (1) лицо, дающее оценку; (2) лицо, относительно которого предмету приписывается некий статус; (3) основание оценки (рациональные, эмоциональные, ...)

В данной работе предлагается другая модель оценки. Определим оценку как любую бинарную оппозицию. Такая бинарная оппозиция образует оценочную шкалу. Между полюсами бинарной оппозиции находится зона нейтрального, где свойства элементов оппозиции находятся в равновесии и ни один из них не превалирует. Границы областей (полюсов и нейтрального) подвижные и могут меняться с течением времени. Оценочная шкала не несимметрична относительно нейтральной оценки. Таким образом, при выборе двух лексем, образующих бинарную оппозицию, автоматически возникает оценочная шкала, где данные лексемы представляют собой границы, между которыми находятся другие элементы – лексемы, упорядоченные по степени сходства с одним из полюсов оппозиции. Неоценочные лексемы не имеют сходства ни с одним из элементов бинарной оппозиции. В данной модели оценка представляет собой связь между лексемой и шкалой оценки. Такую связь можно установить, например, с помощью индекса ассоциативного сходства, который позволяет установить степень ассоциативной близости лексем в обыденном языковом сознании (Просовецкий, 2015).

При таком подходе оценка становится *объективной*, поскольку в ней фигурируют только оценочная шкала и сам объект, а *субъект* в виде кого бы то ни было отсутствует. Исследователь в данном случае только эксплицирует

связь, которая была установлена без его участия. Рассмотрим на примере как работает данная модель.

Наиболее часто встречающаяся бинарная оппозиция – «хорошо – плохо». В связи с этим лексемы обычно делят на лексемы с положительной оценкой, отрицательной оценкой и неоценочные. В данном случае «хорошо», «плохо» и «неоценочно» представляют собой три области на шкале оценки, в рамках которых располагаются другие лексемы. Так лексема *замечательно* располагается в области хорошего, лексема *ужасно* в области плохого, а лексема *стол* в области нейтрального. В данном случае может сложиться впечатление, что субъект никуда не исчез, и теперь он устанавливает связь, то есть по сути оценивает. На самом же деле связь уже установлена и закреплена в обыденном языковом сознании, а исследователь только обнаруживает эту связь (подробнее см. (Просовецкий, 2015)) и на этом основании может утверждать какая оценка содержится в слове.

Говоря об оценке, следует отметить, что сам акт формирования оценки довольно сложный и данный процесс протекает не каждый раз в акте оценивания. Как правило, используются уже готовые оценки (на этом во многом построена пропаганда и манипуляция). Такие оценки мы назовём стереотипными, то есть оценки, обусловленные социальным, культурным и тому подобным пониманием того «*что такое хорошо и что такое плохо*».

Говоря об оценке или неоценочности, каждый раз необходимо понимать, в рамках какой оценочной шкалы указывается, что та или иная лексема неоценочна. Экспериментально установлено, что в подавляющем большинстве случаев это шкала «хорошо-плохо».

Наибольшую трудность представляет разграничение оценочного и эмоционального компонентов, так как чаще всего они выступают совместно и тесно связаны в пределах значения. Эта связано с тем, что оценка предмета человеком, с одной стороны, обычно связана с эмоциональными переживаниями, а с другой стороны, существует *эмоциональная оценка*. Так, в слове «продался» в значении «бесчестно перешел на чью-либо сторону из

корыстных побуждений» явно ощущается презрительный эмоциональный оттенок; вместе с тем здесь заключена и оценка, что отражено в словарной дефиниции, содержащей два неодобительно-оценочных слова – «бесчестно» и «корыстный». Эмоция и оценка в данном значении теснейшим образом переплетаются. С другой стороны, в значении такого слова, как «скончаться», оценочный компонент отсутствует, а эмоциональный выступает самостоятельно: «умереть + сочувствие». Сочувствие здесь носит «дополнительный» характер.

Разделение эмоции и оценки, с учётом предложенной выше модели оценки, приводит к логичному объяснению языковых процессов, которые было трудно объяснить в смешанной модели - например, существование эмоциональной, но не оценочной лексики и наоборот. При разделении эмоции и оценки на два разных компонента, с учётом того, что оценка, в соответствии с моделью, может быть положительная, отрицательная и нейтральная, приходим к выводу, что возможны следующие варианты:

1. Лексема не содержит эмоции и не содержит оценки;
2. Лексема не содержит эмоции и содержит положительную оценку;
3. Лексема не содержит эмоции и содержит отрицательную оценку;
4. Лексема содержит эмоцию и не содержит оценку;
5. Лексема содержит эмоцию и содержит положительную оценку;
6. Лексема содержит эмоцию и содержит отрицательную оценку;

Тогда очевидным становится тот факт, что слово может быть оценочное, но неэмоциональное (п.1-3), например, глупый. Может быть эмоциональное, но не оценочное (п. 4), например, старикашка - пренебр., но не оц.

При таком подходе, очевидным становится факт, что эмоция не всегда носит оценочный характер, например, *глупенький* – ласкат., эмоция есть, но оценка не актуализируется.

Примечательным является следующий факт – эмоциональные пометы, описанные нами выше, представляют собой в большинстве своём бинарную

оппозицию: *одобрительно – неодобрительно, шутливо – серьёзно, ласково – грубо, пренебрежительно – уважительно*. Именно данный факт вводит в заблуждение большинство исследователей и, с большой вероятностью, именно благодаря ему смешивают эмоцию и оценку. Это первый уровень трудностей, с которыми сталкивается исследователь, затем к бинарной оппозиции присоединяются синонимические ряды каждого члена оппозиции, например, *шутливо – иронично, ласково – нежно* и др. Естественно, что после такого наложения и с учетом схожести, разделение эмоции и оценки становится практически нерешаемой проблемой.

Выходов из сложившейся ситуации может быть два. Первый, наиболее практичный - сужение множества эмоциональных помет до трех элементов: положительно-эмоционального, отрицательно-эмоционального и неэмоционального. Второй - частично сохраняющий множество помет, выделение всех эмоционально обусловленных бинарных оппозиций и их синонимических рядов, с последующим ранжированием лексем по степени выраженности того или иного признака. Таким образом, во втором случае необходимо отдельное исследование для каждой группы помет, объясняющее степень выраженности какого признака, который выражает бинарная оппозиция и установления, чем принципиально отличаются синонимы, например, *ласково и нежно*, в контексте выражения данного признака.

Соотношение эмоционального и оценочного компонента в коннотации также заслуживает отдельного обсуждения. Коннотация может быть *согласованной* и *несогласованной* (Стернин, 1985)). В большинстве случаев оценка функционирует в составе коннотации в согласовании с эмоцией (т.н. согласованная коннотация):

•отрицательно-оценочное, отрицательно-эмоциональное; например, следующие лексемы: *мракобес, душегуб, писака, мымра* (угрюмая, скучная), *корова* (толстая, неуклюжая, неумная), *щейка* (шпионит за кем-л.), *сухарь* (неотзывчивый, эгоистичный) и др.;

• неоценочное, неэмоциональное; например: *садовод, подданный, ровесник, великан, путник, крестьянин, солист, разнорабочий, иностранец;*

• положительно-оценочное, положительно-эмоциональное; например: *ангел во плоти* (олицетворяет что-л. положительное), *идеал* (совершенное воплощение чего-л.), *уникум* (исключительный, необыкновенный), *светлая личность* (обладает высокими моральными качествами), *человек с большой буквы* (обладает высокими моральными качествами), *совершенство* (лишен недостатков), *ангел-хранитель* (опекает кого-л.).

Однако возможна также и несогласованная коннотация, когда оценка и эмоция не согласуются, то есть не дублируют друг друга:

• неоценочное, положительно-эмоциональное; например: *малыш, бабуля, паренек, хохотушка, херувим* (говоря о красивом человеке, обычно ребенке), *великий комбинатор* (об энергичном, деловом, изобретательном);

• неоценочное, отрицательно-эмоциональное; например: *бабка, ангел во плоти, страдалец.*

Многозначным лексемам также свойственна *эмоциональная и оценочная многозначность*. В качестве примера приведём лексемы и соответствующие им значения, в которых усматривается такая многозначность (Маклакова, 2013).

ГЕНИЙ: 1. обладает высшей степенью творческой одаренности – *неоценочное, неэмоциональное*; 2. искусен в чем-л., творчески подходит к чему-л. – *положительно-оценочное, положительно-эмоциональное*; ср. *гений на выдумки*.

МУДРЕЦ: 1. наделен способностью глубокого мышления – *неоценочное, неэмоциональное*; 2. умудрен знаниями и опытом – *положительно-оценочное, положительно-эмоциональное*; 3. мудрит, прибегает к хитростям – *отрицательно-оценочное, отрицательно-эмоциональное*;

УМНИК: 1. сообразительный, толковый – *неоценочное, неэмоциональное*; 2. считает себя умнее других – *отрицательно-оценочное,*

отрицательно-эмоциональное семема-2; 3 допустил грубый промах – отрицательно-оценочное, отрицательно-эмоциональное;

ХВАТ: 1. бойкий, ловкий, удалой – положительно-оценочное, положительно-эмоциональное; 2. склонен к плутовству и мошенничеству – отрицательно-оценочное, отрицательно-эмоциональное;

ХРАБРЕЦ: 1. храбрый – неоценочное, неэмоциональное; 2. проявил трусость отрицательно-оценочное, отрицательно-эмоциональное.

Рассмотрим пример, когда коннотативные семы оценки и эмоции наводятся конкретным контекстом употребления слова, т.е. семантические признаки – оценочный и эмоциональный – дополняются в данных контекстах семными конкретизаторами.

МАЛЬЧИШКА: Лицо, мужской пол, взрослый, проявляет несерьезность, неопытность, легкомысленность в делах.

Данная лексема обладает контекстуальной оценочностью и контекстуальной эмоциональностью, что становится заметно при анализе примеров Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

«Я внутренне улыбнулась – ну чем не мальчишка!» [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996) – НКРЯ] – неоценочное, положительно-эмоциональное;

«Этот грязный мальчишка Гурий шляется по девкам, вчера пришел в Эстраду весь в губной помаде» [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004) – НКРЯ] – отрицательно-оценочное, отрицательно-эмоциональное.

Для оценочной и эмоциональной лексики коннотация может быть системно предусмотренной, но контекстуально наполняемой, то есть, в системном значении есть семантические признаки – оценка и эмоция, а семные конкретизаторы эмоции и знака оценки наполняются в актуализируемом значении конкретным контекстом (Маклакова, 2013).

Необходимо различать системную коннотацию, контекстуальную коннотацию, коннотативную многозначность слова и коннотативную многозначность семемы. Системная коннотация – это наличие в системном

значении слова коннотативной оценочности и эмоциональности. Контекстуальная коннотация – это контекстуальное заполнение семных конкретизаторов оценки и эмоции – контекстуальная оценочность, контекстуальная эмоциональность. Контекстуальная коннотация формируется на уровне отдельной семемы. Коннотативная многозначность слова – это наличие в семанте семем с разными системными коннотациями. Коннотативная многозначность слова проявляется на уровне семантемы. Коннотативная многозначность семемы – наличие в структуре отдельной семемы нескольких видов коннотативных компонентов (об этом свидетельствуют результаты психолингвистических экспериментов).

Психолингвистические эксперименты показывают, что компоненты *оценка* и *эмоция* во многих семемах реально представлены *коннотативной многозначностью* – одна семема содержит противоречивую коннотацию: положительную и отрицательную оценку, положительную или отрицательную эмоцию одновременно. При этом яркость той или иной оценки может существенно различаться. Положительная оценка может существенно доминировать над негативной, но при этом в значении могут быть представлены обе оценки. Отдельное значение также может сочетать в себе неоценочность и оценочность, неэмоциональность и эмоциональность. Приведем примеры таких сочетаний:

ДРУГ: вызывает одобрение и положительные эмоции – 33% всех реакций: *лучший 42, хороший 15, настоящий 4, важный, классный, счастье 1*; вызывает неодобрение и отрицательные эмоции – 2% всех реакций: *плохой, псих, скот 1*.

ПАПА: вызывает одобрение и положительные эмоции – 20% всех реакций: *любимый 17, добрый 10, хороший 6, клёвый, лучший, любимо, любимый мужчина, любовь 1*; вызывает неодобрение и отрицательные эмоции – 2% всех реакций: *злой, кричит, плохой, пьяный 1*.

БИЗНЕСМЕН: положительно-оценочное – 8% всех реакций; отрицательно-оценочное – 7% всех реакций.

КРАСАВЕЦ: положительно-оценочное – 5% всех реакций; отрицательно-оценочное – 3% всех реакций.

ПРОКУРОР: положительно-оценочное – 4% всех реакций, отрицательно-оценочное – 13% всех реакций.

Низкая яркость оценки или эмоции в значении свидетельствует об индивидуальном характере этой оценки или эмоции – они присутствуют в сознании только отдельных индивидов. В акте речи актуализируется только одна оценка и одна эмоция.

Таким образом, можно сделать вывод о существовании в семантике слова отдельных компонентов – оценки и эмоции, которые составляют в совокупности один из макрокомпонентов значения, коннотативный (Маклакова, 2018) или денотативный (Просовецкий, 2016) (в случае общеоценочной лексики). Эмоция и оценка могут быть как системными, так и контекстуальными компонентами и могут находиться друг с другом в асимметричных отношениях. В акте речи, благодаря совокупности множества факторов (интонации, контекста и др.), актуализируется конкретная оценка и конкретная эмоция.

Ссылки – References in Russian

Арнольд, 1973 – *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Ленинград: Просвещение, 1973. – 302 с.

Берлизон, 1973 – *Берлизон С.Б.* Эмоциональность слова (фразеологической единицы) в плане дихотомии «язык - речь» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1973. – С. 89–97.

Васильев, 1980 – *Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К.* Эмоции и мышление. – Москва: Издательство МГУ, 1980. – 192 с.

Вилюнас, 1984 – *Вилюнас В.К.* Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. – Москва: Издательство МГУ, 1984. – С. 3–28.

Витт, 1984 – *Витт Н.В.* Речь и эмоции. Учебное пособие к спецкурсу по психологии. – Москва: Издательство МГПИИЯ им. М. Тореца, 1984. – 75 с.

Вольф, 2002 – *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – Москва: Едиториал URSS, 2002. – 280 с.

Долинин, 1987 – *Долинин К.А.* Стилистика французского языка / К.А. Долинин. – Москва: Просвещение, 1987. – 303 с.

Изард, 2008 – *Изард К.Э.* Эмоции человека. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 954 с.

Киттерман, 1909 – *Киттерман Б.П.* Эмоциональный смысл слова // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1909. – №1. – С. 166–181.

Маклакова, 2013 – *Маклакова Е.А., Стернин И.А.* Теоретические проблемы семной семасиологии. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 277 с.

Маклакова, 2018 – *Маклакова Е.А.* Семное моделирование семем в сопоставительных исследованиях. – Воронеж: Издательство ВГЛУ, 2018. – 482 с.

Мягкова, 1990 – *Мягкова Е.Ю.* Эмоциональная наглузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – 106 с.

Просовецкий, 2015 – *Просовецкий Д.Ю.* Психолингвистический метод выявления оценки, содержащейся в слове // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2015. – №3. – С. 78–80.

Просовецкий, 2016 – *Просовецкий Д.Ю.* Проблема многозначности оценочных слов // Язык и национальное сознание. Вып. 22. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2016. – С. 138–143.

Савченко, 1972 – *Савченко А.Н.* Язык и системы знаков // Вопросы языкознания. – Москва, 1972. – №6. – С. 21–32.

Селье, 1979 – *Селье Г.* Стресс без дистрессов. – Москва: Прогресс, 1979. – 124 с.

Солодилова, 2015 – *Солодилова И.А., Шепеля И.В.* Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестник ОГУ. – Оренбург, 2015. – №11(186). – С. 172–178.

Стернин, 1979 – *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. – 156 с.

Стернин, 1985 – *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 171 с.

Телия, 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - Москва: Наука, 1986. - 143 с.

Тихомиров, 1984 – *Тихомиров О.К.* Психология мышления. - Москва: Издательство МГУ, 1984. – 272 с.

Френкель, 1982 – *Френкель Е.И.* Парадигматика оценочных семем в современном английском языке. – Одесса: Рукопись диссертации, 1982. – 212 с.

Шаховский, 1980 – *Шаховский В.И.* Эмоционально-оценочно-образная потенция словарных знаков // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 9. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1980. - С. 23-31.

Шаховский, 1985 – *Шаховский В.И.* Эмотивность в семантике слова // Семантические категории языка и методы их изучения (тезисы докладов). – Уфа: Издательство Башкирского университета, 1985. – С. 97–98.

Шаховский, 1986 – *Шаховский В.И.* Динамика эмотивного признака в тексте // Семантические признаки и их реализация в тексте. – Волгоград: Издательство Волгоградского педагогического института, 1986. – С. 48–56.

Шаховский, 1987 – *Шаховский В.И.* Отражение эмоций в семантике слова // Известия АН СССР. Литература и язык. Т. 46. – Москва, 1987. – № 3. – С. 239–245.

References

Arnold, I.V. (1973) *The style of modern English*, Leningradm Enlightenment. 302 p. (in Russian).

Berlison, S.B. (1973) The emotionality of the word (phraseological unit) in terms of the dichotomy “language - speech” // *Actual problems of lexicology and word formation*. Issue 2. Novosibirsk: Novosibirsk University Press, pp. 89–97. (in Russian).

Dolinin, K.A. (1987) *French stylistics*, Moscow, The Enlightenment. 303 p. (in Russian).

Empson, W. (1951) *The Structure of Complex Words*, London, Chatto and Windus. 500 p.

Izard, K.E. (2008) *Human Emotions*, Moscow, Direct Media. 954 p. (in Russian).

Kitterman, B.P (1909) Emotional meaning of the word // *Journal of the Ministry of Education*, St. Petersburg, №1. pp. 166–181. (in Russian).

Maklakova, E.A., Sternin, I.A. (2013) *Theoretical problems of seminal semasiology*, Voronezh, Origins. 277 p. (in Russian).

Maklakova, E.A. (2018) *Seed semen modeling in comparative studies*. Voronezh, VGLTU Publishing House. 482 p. (in Russian).

Myagkova, E.Yu. (1990) *Emotional implosion of the word: experience of psycholinguistic research*, Voronezh, Voronezh University Press. 106 p. (in Russian).

Prosovetsky, D.Yu. (2015) Psycholinguistic method of identifying the assessment contained in the word // *Bulletin of VSU, Philology, Journalism*. Voronezh. №3, pp. 78–80. (in Russian).

Prosovetsky, D.Yu. (2016) The problem of ambiguous valuation words // *Language and national consciousness*, Issue 22, Voronezh, Istoki Publishing House, pp. 138–143. (in Russian).

Savchenko, A.N. (1972) Language and sign systems // *Questions of linguistics*, Moscow, №6, p. 21–32. (in Russian).

Selye, G. (1979) *Stress without distress*, Moscow, Progress. 124 p. (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (1980) Emotional-estimated figurative potency of vocabulary signs // *Actual problems of lexicology and word formation*, Issue 9, Novosibirsk, Novosibirsk University Press, pp. 23–31. (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (1985) Emotivity in the semantics of the word // *Semantic categories of language and methods for studying them (abstracts)*, Ufa, Publishing House of the Bashkir University, pp. 97–98. (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (1986) Dynamics of the emotive trait in the text // *Semantic features and their implementation in the text*, Volgograd: Publishing house of the Volgograd Pedagogical Institute, pp. 48-56. (in Russian).

Shakhovsky, V.I. (1987) Reflection of emotions in the semantics of the word // *News of the USSR Academy of Sciences. Literature and language*, V. 46, Moscow, No. 3, pp. 239–245. (in Russian).

Sperber, H. (1914) *Über den Affect als Ursache der Sprachveränderung*, Haale, Niemeyer, 1914. 106 S.

Stern, G. (1965) *Meaning and Change of Meaning. With special reference to the English language*, Bloomington, Indiana University Press. 465 p.

Solodilova, I.A., Shepel I.V. (2015) Evaluation and emotiveness in the semantics of the word // *Bulletin of OGU. Orenburg. №11 (186)*, pp. 172–178. (in Russian).

Sternin, I.A. (1979) *Problems of analyzing the structure of the meaning of the word*, Voronezh, Voronezh University Press. 156 p. (in Russian).

Sternin, I.A. (1985) *The lexical meaning of the word in speech*, Voronezh, Voronezh University Press. 171 p. (in Russian).

Stevenson, C.L. (1960) *Ethic and Language*, New-Haven, Yale University Press. 338 p.

Stevenson, C.L. (1974) *Some Pragmatic Aspects of Meaning // Readings in Semantic*, Champaign, Illinois, University of Illinois Press, pp. 33–78.

Telia V.N. (1986) *Connotative aspect of nominative semantics*, Moscow, Science. 143 p. (in Russian).

Tikhomirov O.K. (1984) *Psychology of thinking*, Moscow, Moscow State University Publishing. 272 p. (in Russian).

Vasilyev I.A., Popluzhny V.L., Tikhomirov O. (1980) *Emotions and thinking*, Moscow, Moscow State University Publishing. 192 p. (in Russian).

Vilyunas V.K. (1984) The main problems of the psychological theory of emotions // *Psychology of emotions*. Texts. Moscow, Publishing House of Moscow State University, pp. 3–28. (in Russian).

Witt N.V. (1984) *Speech and emotions. A manual for a special course in psychology*, Moscow, MGPII Publishing House, M., Toreza. 75 p. (in Russian).

Wolf E.M. (2002) *Functional semantics of evaluation* Moscow, Editorial URSS. 280 p. (in Russian).

Frenkel E.I. (1982) *Paradigmatics of valued families in modern English*, Odessa, Manuscript of the thesis. 212 p. (in Russian).